

дарки. При этомъ Дзунъ-засакъ увѣрялъ насъ, что нынѣшнею зимою, какъ нѣкогда въ зиму 1872—73 гг., разбойники-оронгыны не грабили въ его хошунѣ изъ опасенія украсть вещи, оставленныя русскими. Относительно же проводника, прогнаннаго нами изъ горъ Куку-шили и возвратившагося въ Цайдамъ, князь говорилъ, что онъ никакъ не ожидалъ подобнаго поведенія отъ этого монгола и тогда же велѣлъ его наказать. Конечно, такое объясненіе было выдумкою, но для насъ теперь это явилось безразличнымъ. Гораздо неприятели была исторія съ письмами, которыя передъ уходомъ въ Тибетъ прошлою осенью я передалъ Дзунъ-засаку, съ просьбою отослать ихъ на Куку-норъ и далѣе въ Сининъ, для отправленія въ Пекинъ нашему посольству. Въ письмахъ этихъ излагалось о пройденномъ нами пути отъ оазиса Са-чжеу въ южный Цайдамъ и о будущихъ моихъ предположеніяхъ. Для бѣльшей вѣроятности дальнѣйшей отправки своихъ писемъ, я послалъ вмѣстѣ съ ними револьверъ въ подарокъ куку-норскому правителю (тосолакчи) и былъ вполне убѣжденъ, что мѣсяца черезъ два, или даже скорѣе, о насъ будутъ знать въ Пекинѣ, а затѣмъ и въ Россіи. Но вышло совсѣмъ не такъ. Были или не были отправлены письма изъ Куку-нора въ Сининъ и кто виноватъ въ дальнѣйшей ихъ задержкѣ—мы достовѣрно не узнали. Только теперь Дзунъ-засакъ передалъ обратно мои писанія, съ увѣреніемъ, что они возвращены изъ Синина по приказанію тамошняго амбана (губернатора), непожелавшаго направить эту корреспонденцію въ Пекинъ. Тамъ о насъ долго не имѣли никакихъ свѣдѣній и это обстоятельство породило ложные слухи о нашей гибели въ пустыняхъ Тибета.

Восточный край Цайдама, гдѣ долженъ былъ лежать нашъ дальнѣйшій путь, представляетъ въ южной своей половинѣ, все тѣ же солончаковыя болота, только съ нѣсколько лучшею травянистою растительностію; въ сѣверной части, равно какъ и подъ крайними горами, мѣстность становится возвышеннѣе, волнистѣе и въ то же время бесплоднѣе. Почва здѣсь состоитъ изъ глины и гальки, поросшихъ рѣдкою бударганою, или, мѣстами, изъ сыпучаго песка, на которомъ для путешественника, идущаго съ юга, впервые является саксауль. Крайнія восточныя горы служатъ связью между хребтомъ Бурханъ-Будда, хребтами на верхней Хуанъ-хэ и горами Южно-куку-норскими; въ то же время онѣ окаймляютъ съ запада высокое плато, протянувшееся отъ равнинъ Цайдама до верхней Хуанъ-хэ. Однако, горы эти нигдѣ не достигаютъ снѣговой линіи и не имѣютъ, сколько видно издали, гигантскихъ размѣровъ тибетскихъ хребтовъ; при томъ поднимаются далеко не столь рельефною стѣною, какъ эти послѣднія.

Восточный
Цайдамъ.